

Мысли спутались в сердце Лу Сяо, и его безвольно опущенная рука машинально обняла человека перед собой.

На свете не бывает беспричинных козней, есть лишь одураченные простаки. Бухгалтерские книги, соляные лицензии, склады, письма, подземелье — всё началось со странностей в бухгалтерских книгах и шаг за шагом привело Лу Сяо в эту секретную тюрьму. Был ли Ци Цзяньсы случайностью или тоже входил в расчёты того, кто строил планы?

Лу Сяо отстранился от его плеча и в темноте пристально посмотрел на него, ошеломлённо произнеся:

— Чжией, мне всё кажется...

Не успев договорить, он услышал оглушительный грохот сверху — камни обрушились, и внутрь проникли лучи огненного света. Его сбilo с ног сильнейшим толчком земли, и он вместе с Ци Цзяньсы оказался погребён под грудями щебня.

Снаружи донёлся едва слышный презрительный фырк — это был ложный Ду Цзысю, самодовольно произнёсший:

— Несчастные глупцы! Я же говорил, что если попытаться силой проломить землю, все внизу погибнут!

У Лу Сяо только что сломались рёбра, и, судя по всему, со спиной тоже было не всё в порядке — множество острых осколков камней впились ему в кожу.

Они упали в той же позе, в которой стояли несколько мгновений назад. Ци Цзяньсы крепко прижал к себе Лу Сяо, приняв на себя бесчисленные удары камней и земли. Пот струился по его лицу, стекал по контурам на подбородок Лу Сяо и затекал под воротник одежды.

— Не болтай ерунды! Господин! Молодой господин! Господин Лу! Вы слышите меня?!

Мэн Е кричал, надрываясь, но его молодой господин и господин Лу внизу были погребены под камнями, едва дыша, и не могли ему ответить.

— Чжией, — уставившись на него, пробормотал Лу Сяо, — на этот раз я действительно тебя подвёл.

В красивых глазах Ци Цзяньсы мелькнула тень улыбки:

— Говорить, что мы друзья, не разлей вода, — это совсем не шутка.

Лу Сяо сердито посмотрел на него:

— Не говори ерунды! Я живучий! Мы обязательно выберемся отсюда живыми!

Чем дальше, тем тише становился его голос, но решимость не ослабевала:

— Пусть те, кто наверху, проявят хоть немного рвения и побыстрее разберут эти камни! Не хочу задерживаться, мне ещё нужно найти этого Ду... В общем, найти его и свести счёты!

На том пиру в Цюнлинь Ци и Лу сидели слева и справа, положив начало трёхлетней вражде. Сегодня, в управе Юньчжоу, снова были эти двое, только обстоятельства стали куда более плачевными, но оба невольно желали выжить — и чтобы другой тоже выжил.

В узком пространстве распространился тяжёлый запах крови. Лу Сяо встревожился и, забыв о собственной боли, тревожно спросил:

— У тебя рана открылась?

Ци Цзяньсы, находившийся в сантиметрах от него, вдруг усмехнулся, уклонившись от ответа. Его тёплое дыхание коснулось щеки Лу Сяо:

— Три года назад, пир в Цюнлинь, ты помнишь?

«Облака жаждут её одеяний, цветы — её облика, весенний ветер касается резных перил, роса сверкает обильно».

Слова «помню» застряли у Лу Сяо в горле.

Ци Цзяньсы опустил глаза, помолчал мгновение и наконец заговорил:

— Лу Сяо, знаешь, почему я всегда придирался к тебе?

Он редко проявлял такую явную улыбку, от которой у Лу Сяо вспыхнуло лицо, но на словах он всё же попытался увильнуть:

— Нет, а когда ты ко мне придирался?

Услышав его отрицание, Ци Цзяньсы с трудом произнёс:

— В тот день мне стало душно на пиру, и я тихонько ушёл в императорский сад, но не повезло

— и там столкнулся с тобой.

Камни на спине сковывали его, не давая пошевелиться. Дыхание Ци Цзяньсы стало слабым, как шепот:

— Говорят, что три раза — это предел. Пир в Цюнлинь, императорский сад, терем Юэцзян — ты разозлил меня ровно трижды. Будь это кто-то другой, стоило бы произнести одно лишь слово «красавица», и я бы больше не захотел его видеть.

Запах крови становился всё гуще. Глаза Лу Сяо покраснели, и он злобно прошипел:

— Хватит говорить! Если продолжишь, я буду называть тебя красавчиком тысячу, нет, десять тысяч раз!

— Мне очень не нравились такие слова... Но сейчас это не важно.

Казалось, он из последних сил говорил с Лу Сяо, голос стал таким тихим, что его едва можно было слышать.

Пот не прекращался, лицо побледнело — человек, прикрывавший его своим телом, теперь выглядел именно так. Новые и старые раны на спине, казалось, перестали кровоточить, свернувшись в тёмные следы. Ци Цзяньсы почувствовал, как веки наливаются свинцом, да и боль уже не была такой острой.

Его тяжёлое дыхание постепенно становилось всё тише, а крики сверху — всё ближе. То окликали: «Господин Лу, вы слышите?», то Мэн Е отчаянно выкрикивал: «Молодой господин!». Лу Сяо изо всех сил пытался крикнуть в ответ, но щебень заглушал его голос, и наружу пробивался лишь смутный, невнятный звук.

Он вдруг с ужасом осознал, что Ци Цзяньсы уже несколько мгновений не произносил ни слова и даже не отреагировал на его крик.

Лу Сяо в панике выкрикнул:

— Ци Чжуйю!

Ответа не последовало.

Лу Сяо понял, что тот сначала изо всех сил терпел боль, а потом, говоря, окончательно выбился из сил и потерял сознание. Он позвал его несколько раз подряд, веки Ци Цзяньсы слегка дрожали, но он никак не реагировал.

Сильная потеря крови, потеря сознания — что, если он больше не проснётся?

Затруднённое дыхание, потеря сознания — что, если он умрёт?

В этом узком пространстве, что он мог сделать, чтобы Ци Цзяньсы очнулся? Лу Сяо закрыл глаза, решился, слегка приподнял голову и укусил его за острый подбородок. Он приложил достаточно силы, чтобы причинить боль, но не прокусить кожу.

Веки Ци Цзяньсы дрогнули, и сквозь зубы вырвался тихий стон. Лу Сяо чуть не расплакался от радости, но не ослабил хватку, продолжая потихоньку покусывать его кожу.

Ци Цзяньсы приоткрыл глаза и, увидев, как губы и зубы Лу Сяо замерли у его подбородка, окаменел от изумления:

— ... Лу Сяо, что ты делаешь?

Как только он заговорил, подбородок шевельнулся, и Лу Сяо естественным образом почувствовал, что тот очнулся. Его невинные чёрные глаза сияли от радости:

— Ты наконец проснулся! Больше не теряй сознание! Скоро нас спасут!

Это была чистая правда. Он чувствовал, что шаги спасателей становились всё ближе, ещё немного — и они обязательно выберутся из этого проклятого места.

Ци Цзяньсы всё ещё пребывал в шоке и на время онемел.

А Лу Сяо снова приподнял лицо, прижался к его шее и плечу и с трудом выговорил:

— Второй раз... Тебе явно больно до смерти, а ты молчишь. Твоё «три раза — предел» для меня не работает, я рассержусь... Нет, больше не будет следующего раза, ты больше не будешь подвергаться опасности.

— ... М-хм.

Чрезвычайно тонкий луч света проник в каменную щель, и Лу Сяо невольно зажмурился. Сверху доносился непрерывный грохот, камни начали подниматься, проникающий свет становился всё ярче. Голос Чжао Юбао, никогда не звучавший так приятно для слуха. Лу Сяо не смог сдержать волнения:

— Чжао Юбао, мы здесь!

Группа перепачканных пылью стражников окружила их. Во главе стоял Чжао Юбао с лицом,

полным отчаяния, а рядом, как вкопанный, стоял Мэн Е с выражением, будто он готов был покончить с собой от чувства вины. Маленький плачущий «хвостик» пробился сквозь толпу, обхватил ногу Лу Сяо и зарыдал:

— Господин, это вина Сяо Ецзы, я даже не знал, когда вы вышли из комнаты!

В управе царил хаос, суматоха, куры летали, собаки скакали. Лу Сяо и Ци Цзяньсы поддерживали, укладывая отдохнуть, как вдруг кто-то взял Лу Сяо за руку.

Лу Сяо поднял глаза, и весь его пыл мгновенно угас:

— Старший брат...

Лу Сюэхань опустил взгляд, глядя на него, и бесстрастно произнёс:

— Не дёргайся, я сначала обработаю тебе и господину Ци поверхностные раны. Приглашённый врач скоро придёт.

Лу Сяо ошеломлённо кивнул и лишь когда с него стали снимать одежду для обработки ран, тихо проговорил:

— Больно...

Рука Лу Сюэханя на мгновение замерла, затем он продолжил очищать кровь, словно этой паузы никогда не было.

С другой стороны Мэн Е стоял на коленях у края ложа, глубоко вздохнул, хотел что-то сказать, но промолчал, лишь молча наблюдая рядом.

Одежда была изорвана в клочья, кровь запеклась. У Ци Цзяньсы, впрочем, не было серьёзных внутренних травм, просто камни придавили его так, что стало трудно дышать, отчего он и потерял сознание в подземелье. Вся его внешность была потрёпана, но это ничуть не умаляло его достоинства — он был подобен белой магнолии, пережившей мороз и снег.

Он не обратил внимания на самоуничтожение Мэн Е, а спросил:

— Где Ду Цзысю?

Услышав это, Лу Сяо повернул голову. Мэн Е тут же встал и в мгновение ока втащил туго связанного ложного Ду Цзысю. Во рту у того был заткнут кляп, руки и ноги крепко связаны, а в глазах читалось непостижимое спокойствие.

Мэн Е вытащил из его рта тряпку и встал рядом, наблюдая за этим человеком.

— Тот, что внутри, и есть настоящий Ду Цзысю, верно?

Едва Лу Сяо произнёс эти слова, все присутствующие с изумлением уставились на него. Он вздохнул и медленно задал следующий вопрос:

— С какого момента ты его заменил? С того дня, как я вступил в должность, или сегодня ночью?

Его взгляд пылал, словно он был уверен, что получит ответ.

<http://bllate.org/book/15439/1369319>